

Сун Фэй сидел на полу, прислонившись к стене кабины. Он знал, что Хэ Чживэнь находится прямо напротив него, в такой же позе, но разглядеть хоть что-то без экрана телефона было невозможно. Две минуты назад погас аварийный свет. По словам Хэ Чживэня, светильник работал от аккумулятора и мог продержаться от силы минут двадцать-тридцать, а часы на телефоне подтверждали: с момента отключения электричества и их заточения прошло уже двадцать семь минут.

Без аварийного освещения в кабине лифта осталась лишь непроглядная тьма — густая, абсолютная, будто лишаящая всех чувств. Сун Фэю даже приходилось время от времени намеренно моргать, чтобы убедиться, что глаза у него вообще открыты.

— Мы отсюда не выберемся, — прошептал Хэ Чживэнь, сжавшись в углу. Он впервые ощущал смерть так близко.

Это чувство безысходности и тяжести возникло не внезапно. Оно копилось постепенно, капля за каплей, наваливаясь всё сильнее, пока не стало давить так, что едва получалось дышать.

Сун Фэй повторил то же, что и раньше:

— Ци Янь придет.

За эти полчаса, помимо нескольких безуспешных попыток взломать двери, вся их беседа сводилась к круговому повторению пары фраз. Даже обычно добряк и добряком, Хэ Чживэнь исчерпал весь запас терпения и срывался на раздражение:

— Откуда у тебя такая уверенность? Если бы он хотел прийти, то уже давным-давно был бы здесь! А сейчас снаружи ни звука. Он либо сам сбежал, либо пошел за радиоприемником и сбежит сразу, как найдет его. Мы ведь заранее несколько раз уточняли, где находится кабинет, туда и с закрытыми глазами дойти можно.

— Не может быть, — ответил Сун Фэй без особого нажима, даже как-то спокойно, но его рука, упиравшаяся в пол, невольно сжалась в кулак.

— Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Окажись мы с тобой на его месте снаружи, тоже вряд ли вернулись бы спасать кого-то, — Хэ Чживэнь вздохнул, пытаясь успокоиться сам и заставить Сун Фэя взглянуть правде в глаза. — Во-первых, он понятия не имеет, на каком этаже застрял лифт. Не станет же он проверять каждый этаж по очереди? Во-вторых, если он действительно ищет нас прямо сейчас, почему ничего не слышно? Ему же надо как-то проверить, внутри мы или нет — не телепатией же, а долетая криками или стуком!

— Ты сам сказал, что он мог сначала пойти за радиоприемником.

— Я сказал, что он найдет его и сбежит!

— Найдет и обязательно придет за нами.

— ... — Хэ Чживэнь сдался, не желая больше тратить слова понапрасну.

Хоть в темноте и не было видно лица собеседника, Сун Фэй знал, что довел Хэ Чживэня до белого каления. Честно говоря, если бы снаружи был кто-то другой из их компании, он, возможно, и сам бы сомневался. Но ведь это Ци Янь! Тот самый Ци Янь, который, рискуя быть сожженным зомби или сорваться с высоты, сорвав руки, карабкался на балкон четвертого этажа общежития, чтобы найти его. Тот самый Ци Янь, чье предложение сойтись снова он

отверг уже дважды... Э-э, точно. Уже дважды.

Твою же мать, а жалеть об этом сейчас — не поздно?! А-а-а-а!!!

Как говорится, Бог троицу любит, но терпение не вечно.

С тех пор Ци Янь больше ни разу не заводил речи о возобновлении отношений. Неужели он и правда станет рисковать жизнью ради бывшего парня, который вообще неизвестно на каком этаже застрял?

Молчание Хэ Чживэня объяснялось лишь нежеланием доводить себя до инфаркта перед смертью. Однако то, что Сун Фэй не стал дальше развивать спор и тоже затих, вызвало у него невольное беспокойство.

Он не подозревал, что в темноте Сун Фэй только что прошел через целую бурю эмоций — с мысленным рванием волос на голове, немым криком и битьем себя в грудь, — а теперь лишь печально прислонился к стене, наблюдая, как в его воображении гаснет последний огонек надежды.

— Эй, ты чего молчишь? — Хэ Чживэнь беспокойно посветил экраном телефона и чуть не перепугался, увидав это мертвенно-поблекшее лицо. — Ты чего с таким лицом сидишь? Тебя что, до этого где-то цапнули, и ты сейчас мутировать соберешься?

Сун Фэй посмотрел на товарища по несчастью в тусклом свете экрана и с последней надеждой спросил:

— Слушай... допустим, у тебя был очень хороший друг. Вы отлично ладили, а потом в один прекрасный день ты с ним порвал. Он разорвать дружбу не хотел, раз за разом просил о примирении, но ты отвергал его снова и снова, да еще и прилюдно умывал. И вот однажды ты попадаешь в смертельную опасность. Как думаешь, этот друг ринется ради тебя в огонь и в воду?

Хэ Чживэнь ненадолго задумался, переваривая историю, а затем качнул головой:

— Твое «допустим» не работает. Я бы не стал поступать с другом как последнее мурло.

— ... — Сун Фэй с трудом сглотнул слюну и произнес с узлом в горле: — А если этот «допустим» — я?

Хэ Чживэнь обомлел и спустя мгновение искренне ответил:

— Если твой друг не прикончил тебя при первой же возможности, это настоящая любовь.

Сун Фэй окончательно сдулся, как спустивший шарик. Если уж обычно мягкий Хэ Чживэнь так считает, то гордец Ци Янь точно не станет возвращаться.

Оно и понятно: подняться на двенадцатый этаж, найти радиоприемник и выбраться невредимым — это уже адовая задача с мизерными шансами на выживание. Только сумасшедший стал бы после этого прочесывать этаж за этажом в поисках бывшего парня и приятеля из соседнего факультета, с которым знаком от силы пару дней.

Пять часов спустя.

Сун Фэй уже не понимал, спит он или бодрствует. Веки были тяжелыми от дикой усталости, но

сознание оставалось четким и даже обостренным. Это противоречивое состояние превращало каждую минуту ожидания в настоящую пытку.

— Который час? — внезапно раздался в темноте голос товарища.

Сун Фэй вздрогнул. Он думал, что Хэ Чживэнь давно уснул — в конце концов, в такой замкнутой темноте сон казался единственным спасением.

Снова включив экран, Сун Фэй зажмурился от непривычного света и спустя пару секунд разглядел цифры:

— Пять минут первого.

— Новый день, — вяло отозвался Хэ Чживэнь. В его голосе не было и капли радости от наступления новых суток.

На телефоне оставалось еще 70% заряда.

Хотя отечественные смартфоны славились живучестью аккумуляторов, Сун Фэй все равно берег каждую каплю энергии. Посмотрев на время, он по привычке хотел снова выключить экран, но что-то внутри екнуло, и он невзначай открыл галерею. Листая фото вниз, он остановился на их общем снимке с Ци Янем.

Сун Фэй осторожно развернул фотографию. На экране замерли двое: один глуповато оскалился в широкой улыбке, второй хмурился с угрюмым видом. Улыбака свойски обнимал хмурого за шею, а тот вроде бы пытался увернуться, но так и не смог, вынужденно оставшись на этом снимке, дышащем юностью.

Это было единственное их совместное фото в телефоне Сун Фэя.

Ци Янь терпеть не мог фотографироваться, а уж тем более делать такие личные кадры. Каждый раз, когда в сети всплывали очередные слитые интимные снимки или пикантные видео каких-нибудь парочек, он тут же усаживал Сун Фэя рядом и устраивал «инструктаж по цифровой безопасности», призывая повышать бдительность и предотвращать угрозы на корню. Однако Сун Фэй относился к тому типу людей, которым чем больше запрещаешь, тем сильнее хочется. На ниве совместных селфи он терпел поражение за поражением, но продолжал штурм, пока наконец не добился своего — хотя бы один-единственный раз.

Ци Янь однажды улучил момент и тайком удалил этот снимок, даже не подозревая, что Сун Фэй давным-давно сделал резервную копию. И стоило Ци Яню удалить фото, как Сун Фэй тут же поставил его на рабочий стол. Ци Янь чуть не схватил инфаркт от досады, осознав, что связываться с подлецом — себе дороже. Выдав сотню строжайших наказов: не ставить на обои, не делать заставкой и ни в коем случае не хвастаться перед третьими лицами, он в конце концов смирился и позволил сохранить фото в галерее.

«Ну и отношения у меня...» — не раз думал Сун Фэй. Казалось, будто он любовник в тайной связи, а весь окружающий мир — законная супруга, от которой приходится прятаться.

— Ты как, в порядке? — Хэ Чживэнь сначала не хотел встречать, но лицо Сун Фэя в отсвете экрана выглядело так, будто тот вот-вот расплачется, и смотрелось это жутковато. — Я понимаю, спутник на тот свет из меня так себе, но уж что поделать — судьба сводит. Нас тут заперло вдвоем, менять попутчика поздно.

Сун Фэй усмехнулся, повеселев от шутки Хэ Чживэня, хотя в то же время удивился:

— Ты же еще недавно сидел с таким видом, будто весь мир тебе задолжал. С чего вдруг смирился?

— С плачем помирать, с соплями помирать — так уж лучше с улыбкой, — Хэ Чживэнь шутливо помечтал о светлом будущем. — Зато когда наши трупы найдут, выглядеть будем не так паршиво.

— Нам же трупами быть, ты на что надеешься? Думаешь, цветком распустишься?

— Ну, хотя бы людей не так сильно напугаем.

— Да два трупа, лыбящихся во весь рот, напугают кого угодно еще сильнее, дурачина!

Мимолетная радость от перепалки растаяла, словно мыльный пузырь: едва они снова замолчали, она с тихим треском лопнула, не оставив и следа.

Сун Фэй еще долго всматривался в снимок.

Всего одна-единственная фотография. Он разглядывал ее слева направо, справа налево, сверху вниз и снизу вверх. И каждый раз взгляд неизбежно возвращался к этому угрюмому лицу. Сун Фэй и сам не мог бы объяснить своих чувств, но от одного лишь вида этого лица на него накатывала странная, умиротворяющая тишина.

Совсем как раньше: каждый раз, когда Сун Фэй влипал в очередную неприятность, тот человек, отчитав его по полной программе, неизменно добавлял: «Ладно, не дергайся, я сам разберусь». И пока Ци Янь произносил эти слова, насколько бы безнадежной ни казалась ситуация, Сун Фэй мгновенно успокаивался.

Интересно, где этот парень сейчас?

Мысли Сун Фэя уплывали все дальше, взгляд терял фокус, и изображение на экране размывалось в расплывчатые пятна света.

<http://bllate.org/book/18287/1753471>